

УДК 94(47).084.8

ОСМЫСЛЕНИЕ СТАЛИНИЗМА И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

*Хасянов О.Р., кандидат исторических наук, доцент
ОГАУК «Ленинский мемориал», доцент кафедры философии и
истории ФГБОУ ВО Ульяновский ГАУ*

Ключевые слова: сталинизм, история, крестьянство, социальная память.

Работа посвящена анализу научной литературы, раскрывающие механизмы функционирования сталинской политической системы. Анализ методологических подходов к осмыслению сталинизма могут способствовать исторической реконструкции картины повседневной жизни послевоенного колхозного села, в особенности практик пассивного сопротивления крестьянства существующей экономической модели.

Реконструкция истории повседневной жизни советского крестьянства неизбежно ставит перед исследователем ряд методологических проблем, вызванных сложностью обобщения и оценок многообразных данных, раскрывающих неоднородность динамики трансформации повседневной жизни. Исследовательская парадигма должна базироваться на реконструкции отдельных элементов повседневности в единое целое с использованием методов микро- и макроуровней различных гуманитарных наук. Понять произошедшие изменения в экономической, социальной, культурной сфере послевоенного колхозного села невозможно без обращения к трудам ученых, анализировавших различные аспекты жизни советских граждан периода сталинизма и раскрывающих суть феномена сталинизма.

Бурное развитие новых направлений в отечественной и мировой исторической науке, получивших название «культурная история» и «социальная история», дают нам возможность использовать ряд методологических приемов, которые были апробированы ранее. А. Д. Гудков отмечает тенденцию тривиализации понимания советского прошлого в массовом сознании россиян, что приводит к вытеснению на задний план «проблематики институционального насилия, к практике тоталь-

ного контроля в «партии-государстве», идеологическому принуждению, политике искусственной бедности, террора и ... моральной деградации людей», к «пассивно-сострадательному» отношению к прошлому [1; с. 7]. Героизация и мифологизация сталинской эпохи становится механизмом отделения от прошлого и его моральных оценок. В представлении обывателей, Сталин предстает творцом модернизации, обеспечившим превращение страны в мировую супердержаву. Проблема преодоления сталинизма российским обществом заключается не в отсутствии знаний о преступлениях Сталина, а в нежелании считать преступной советскую систему.

Сегодняшнее состояние исторической памяти о сталинизме, по мнению И. Л. Щербаковой, определяется культурной картиной «карты памяти» сталинизма, оформленной еще в 50-80-е гг. XX в. [25] Е. А. Осокина полагает, что в отечественной историографии сталинизм представляет морально-нравственную проблему, т.к. «еще свежи воспоминания о сталинской эпохе, слишком велика травма, нанесенная сталинизмом обществу», и поэтому оценка сталинского режима осуществляется инстинктивно и эмоционально, а не концептуально и научно обоснованно [18; с. 285].

Значимым в формировании мифа властвования периода сталинизма являлось изменение дискурса языка, когда описательное значение слова уступало место его эмоциональному содержанию. Частые повторы смыслов закреплялись в сознании обывателей помимо их воли, что в итоге привело к потере обществом своего «слова» [14]. Как отмечает один из основоположников евразийского движения в эмиграции князь Николай Трубецкой, «люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить» [17; с. 4]. Так и стало с советским обществом, советские люди перестали открыто высказывать свои мысли, стремления и оценки. Справедливо подмечено Н. Н. Козловой, что роль советского государства – в конструировании принципов организации социальной реальности на основе речевых коннотаций, определивших успешность советской тоталитарной модели [8; с. 221-222]. Лояльное отношение большинства населения к официальной информации было вызвано не только активной пропагандой, но и происходящими социально-культурными изменениями, вызванными напряженностью жизни, бытовой неустроенностью, обострением социальных отношений [2]. Массированная пропаганда привела к выработке населением собственной стратегии оценки информации - «читать между строк» и

использовать слухи в качестве важнейшего средства распространения информации, надежд и страхов [2]. Само состояние информационного пространства СССР «создавало особые условия для активного формирования и распространения слухов в обществе» [9; с. 220]. Риторика сталинской пропаганды создавала разрывы в повседневности советского человека, когда лозунги «о величии советского человека» противостояли системе унижительных запретов и регламентаций, лишавших личность какого бы то ни было достоинства [16; с. 170-171]. Советская социальная инженерия была направлена на внедрение модели социальных отношений, основанных на приказах и системе неоплачиваемого труда, разрывающая все горизонтальные общественные связи между людьми и огосударствляющая человеческие контакты, направляя их в русло официальных властных институтов [6; с. 201].

Многие исследователи отмечают широкое использование советскими властями в сталинский период практики террора. Массовые репрессии и активная государственная пропаганда, отмечает С.А. Красильников, использовались властью как средство достижения поставленных целей посредством социальной мобилизации масс [10]. Социальная мобилизация им понимается как целенаправленное воздействие институтов власти на массы посредством подавления или искажения свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых властью приоритетными и признаваемые большинством общества [11; с. 151]. Политические институты использовали социальную мобилизацию как универсальное средство многоуровневого контроля и регулирования основ жизни деятельности общества (социально-трудовые и производственные отношения, социально-бытовые и внутрисемейные связи) [11; с. 161]. Сталинский режим применял различные приемы социальной мобилизации, но наиболее действенными были идеолого-пропагандистские кампании. Эффективность последних во многом зависела от того, «насколько внедряемые в массовое сознание идеологические установки соответствовали характерным для той или иной социальной группы мировоззрению и социальным настроениям» [19; 212]. Иногда организаторам кампаний приходилось корректировать содержание и формы пропаганды с целью приблизить ее к особенностям групповой социальной психологии. Но, несмотря на это, пропаганда оставалась инструментом перевоспитания и частью миссии «по

насаждению на территории Советского Союза стандартной советской монокультуры для всего населения» [19; с. 253].

Усиление репрессивных практик в предвоенные годы, по мнению М. Ферретти, было вызвано желанием государственных институтов сломить общественное сопротивление и обеспечить социальную стабильность [20]. В этом ключе аграрная политика сталинизма в довоенный период представляет собой стремление власти разрушить и переделать социально-экономический строй деревни с целью распространения там государственного контроля [24; с. 210]. Как отмечает О. Хлевнюк, сталинский режим, опираясь на насильственные методы управления, криминализировал все сферы социально-экономической и политической жизни, заменяя насилием естественные стимулы развития [23]. После войны, по мнению Д. Шерра, происходит изменение тактики репрессивно-карательной функции государства. Оно карает не за социальное происхождение и политическую неблагонадежность, а за конкретные поступки, выходящие за рамки дозволенного советскими законами. Само массовое принуждение использовалось властями для дисциплинирования советского общества в условиях восстановления экономики [24; с. 215]. Власть стремилась ликвидировать не определенные общественные настроения, а их носителей [17; с. 359]. Но реакция социальных масс на карательные действия властей выражалась в выработке целой «палитры» антагонистических жизненных стратегий – от равнодушия к официально одобряемой деятельности до настойчивого следования традиционному образу поведения (религиозные ритуалы) [19; с. 22]. Одна из особенностей сталинского общества, как отмечает Д. Фильцер, заключалась в «психологии обхода законов», что выражалось в формальном выполнении требований центра, а это в свою очередь являлось условием выживаемости и воспроизводства самой системы [21; с. 328-329].

Репрессии и произвол представителей власти являлись частью повседневной жизни целого поколения советских граждан, они были усвоены ими на уровне ценностей [3; с. 101]. Официальное одобрение властями доноительства, атмосферы недоверия, подозрительности, предательства и жестокости в обществе, по утверждению С.И. Быковой, служило средством оправдания всех аморальных поступков [2]. В недрах коммунальной повседневности происходит рождение «адаптивной морали», которая не просто мирилась с властным насилием, а заранее его оправдывала [13; с. 229]. По мнению Д. Дюрана, образцы поведения

и схемы мышления, сформированные в условиях коммунальной квартиры, воспроизводились советскими людьми в других повседневных ситуациях и формировали советскую культуру повседневной жизни [7; с. 60-61]. По утверждению С. А. Королева, общество становится обществом без общественной морали, т.к. мораль превращается в феномен индивидуального сознания, а давлению официальной аморальности могло сопротивляться лишь сильное, самостоятельное индивидуальное сознание [10; с. 50]. Сталинский террор осуществлялся согласно приказам и распоряжениям, а приводили его в действие миллионы активных участников, которые преследовали свои собственные цели [4; с. 319]. Стремление индивидов вписаться в советскую модель идентичности, в понимании С. И. Быковой, проявлялось в «самозакреплении». Дозаказательством этого являлось стремление граждан принимать участие в деятельности комсомола и компартии, работа на стройках социализма и т.д. «Преодоление себя», своей совести, мнению Ф. Буббайер, было главным ортодоксальным нарративом сталинской эпохи [1; с. 74]. Государство и само стремилось вовлечь индивида в свою деятельность, т.к. политическая апатия и неопределенная, расплывчатая идейная позиция обывателей не способствовала социальной мобилизации [13; с. 228].

Как отмечает О. Лейбович, особое место в официальном политическом дискурсе сталинизма занимал «маленький человек», готовый жертвовать личными привязанностями во имя высшей справедливости. «Он простец, далекий от книжной мудрости, преувеличивает, выпрямляет, додумывает», но самое главное, он «напрямую обращается к великим людям, предостерегает их об опасности, исходящих от больших людей, нарушивших клятву» [16; с. 167]. Маленький человек, по сути своей являвшийся доносчиком, мог погубить дело, карьеру и личную жизнь любого советского должностного лица. Наиболее полно практика доноительства раскрыта в работах О. Л. Лейбовича «В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции» [15] и Ф.-К. Нерар «Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР. 1928-1941 гг.» [26]. Доноительство было повсеместной практикой советского общества, им «были пропитаны и семейные отношения, и отношения в кругу самых близких друзей» [26; с. 9]. Ф.-К. Нерар полагает, что практика доноительства выполняла в сталинской России функцию социального клапана. Организованное вытеснение властями из политического пространства легальных возможностей выражения и демонстрации несогласия с проводимым политическим курсом, от-

существование законных форм выражения социального протеста превращают письма во власть единственно возможным способом выражения неудовлетворенности и недовольства [26; с. 328]. Мощным стимулом доносительства оставался страх. Как отмечает С. А. Королев, страх был вызван боязнью, «что кто-то донесет раньше тебя, и ты, следовательно, будешь заподозрен в укрывательстве, пособничестве, сообщничестве, в крайнем случае, в симпатии к врагам власти и народа» [10; с. 49]. Таким образом, донос «из рутинной обязанности подданного ... превращается в средство растворения подданного в политическом теле власти».

Библиографический список:

1. Буббайер, Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. Мю: РОССПЭН, 2010. С. 74.
2. Быкова, С. И. Игра в патриотизм как один из методов формирования «врагов народа» // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 175-183.
3. Верт, Н. Сталинизм и массовые репрессии. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 101.
4. Голдман, В. З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010. С. 319.
5. Гудков, А. Д. Амнезия // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОСПЭН, 2013. С. 7.
6. Дамье, В.В. Стальной век: Социальная история советского общества. М.: Либриком, 2013. С. 201.
7. Дюран, Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. МПб.: Издательство Европейского университета, 2010. С. 60-61.
8. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: ИИ РАН, 2000. С. 220.
9. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из жизни. М.: Европа, 2005. Сс. 27, 221-222.
10. Королев, С. А. Донос в России: Социально-философские очерки /Составитель и науч. редактор Е.Я. Виттенберг. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996. С. 50.
11. Красильников, С.А. 1930-й год как пролог большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 112-119.

12. Красильников, С. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 151.
13. Круглова, Т. А. Антропологические трансформации и художественные репрезентации жизни в терроре: страх и энтузиазм как мотивы соцреализма // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С.228.
14. Лассан, Э. Р. Дискурс большого террора: риторические средства и «лингвистический терроризм». История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 166-175.
15. Лейбович, О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.
16. Лейбович, О.Л. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011.С. 170-171.
17. Люкс, Л. История России и Советского союза: от Ленина до Ельцина. М.: РОССПЭН, 2009. С. 359.
18. Осокина, Е. А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления. // Социальная история. Ежегодник. 2010. С. 285.
19. Рольф, М. Массовые советские праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 253.
20. Ферретти, М. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 120-141
21. Фильцер, Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. С. 328-329.
22. Фицпатрик, Ш. Еще раз о повседневном сталинизме: Советская Россия в 1930-1950-е гг. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 57.
23. Хлевнюк, О. В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Ма-

- териалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С.
24. Шерер, Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в советском союзе в 1920-1950 гг. » // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 210.
25. Щербакова, И. Л. Память о сталинизме в культуре // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 21-41.
26. Ерап, Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР. 1928-1941 гг. М.: РОССПЭН, 2011. С. 328.
27. Ушакова, С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013. С. 212.

UNDERSTANDING OF STALINISM AND THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF THE DAILY PRACTICES OF COLLECTIVE-FARM PEASANTRY

Khasanov O. R.

Key words: *Stalinism, history, peasantry, social memory.*

The work is devoted to the analysis of scientific literature revealing the mechanisms of the Stalinist political system. The analysis of methodological approaches to the understanding of Stalinism can contribute to the historical reconstruction paintings of everyday life of post-war collective farm village, in particular the practices of passive resistance of the peasantry of the existing economic model.